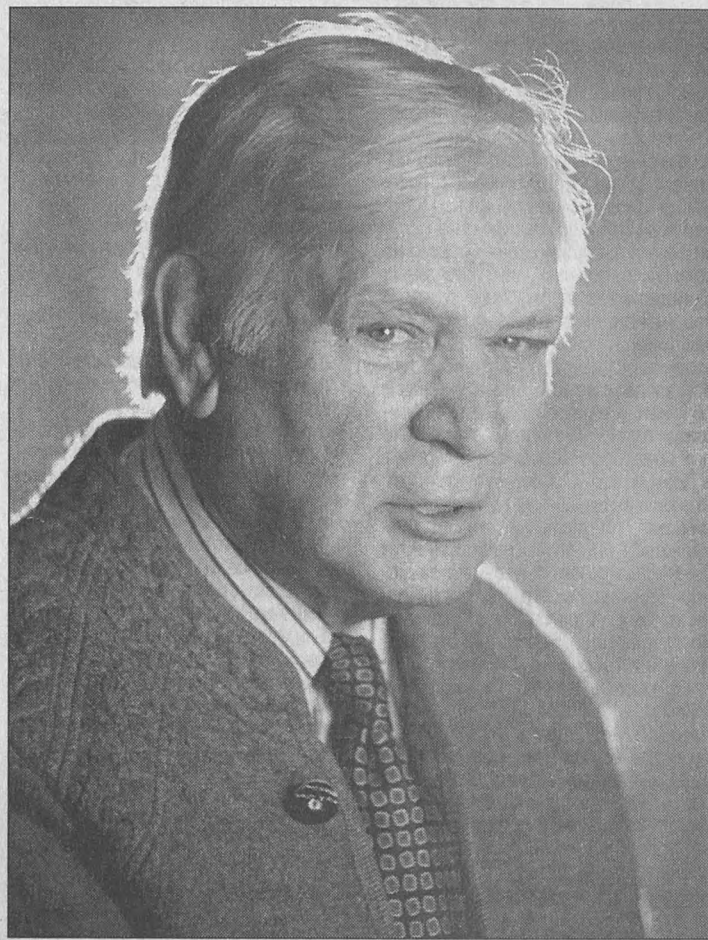

До сих пор не верю комплиментам

интервью. — 2004. — 4 авг. — с. 12

П. Вельяминов

партии" порядочного парня, передовика производства. Режиссеры сериала Краснопольский и Усков — сами свердловчане. Они увидели меня в спектакле, в антракте пришли в примерку и предложили сыграть главную роль в фильме "Тени исчезают в полдень".

Это было совершенно ошеломляющее предложение, я не знал, что им сказать. Но прошло целых полгода, прежде чем меня вызвали на кинопробы. Впрочем, пробы как таковой не было, просто сняли крупный план, и два "крестных моих отца" утвердили меня на роль. Это было сложно, потому что существовала чудовищная конъюнктура, а моя биография играла не последнюю роль. И вообще, провинциальных артистов в те времена не баловали. И хотя в театре я играл главные роли — социальных героев, героев-любовников — от Сатина до Паратова, мог отказаться от неинтересных предложений (мое положение в театре это позволяло), только с первой киноролью и начались мои университеты.

— Вам не кажется, что это ирония судьбы — человек аристократического происхождения оказался специалистом по деревне?

— Вы знаете, одна старушечка на встрече со зрителями спросила, совсем ли я ушел из колхоза. Я удивился и сказал, что никогда не был председателем, а она меня потом донала: "А люди говорят — были". Что же в таких случаях делать?

— Деревенский быт вам понятен?

— Понятен, ведь я около года проработал в лагере на сельхозработках. Хотя когда я в первый раз увидел, что помидоры растут на кустах, очень удивился, потому что искренне думал, что они растут на деревьях.

— Так вы были барчуком?

— Никогда, я был драчуном.

— Съемки в кино изменили вашу жизнь?

— Конечно. Я стал известным актером, о чем почти уже и не мечтал. Ведь слава пришла ко мне в зрелом возрасте. К тому же съемки позволили жить немного лучше, чем другим актерам: у меня было 3–4 картины в год, и это давало возможность существовать прилично. Хотя пирогов особенных не было.

— Как близкие оценили ваш взлет и известность?

— Родные спокойно относились к этому. Мама даже говорила: "Может быть, ты бросишь эту профессию? Вечно сидишь без денег". Я гордо ей отвечал: "Я в провинции известный артист". А она не унималась: "Где ты работаешь?" — "В Чебоксарах". — "А где это?" — удивлялась мама. Вообще в нашей семье оценки не выдавались.

— Вы играли председателя колхоза, а смогли бы поруководить хозяйством на самом деле?

— Я бы предпочел фермерское хозяйство.

— Когда снимали "Вечный зов", массовка была из настоящих крестьян?

— Массовка была разная — и артисты, и колхозники. Вообще русский народ очень артистичный. А в "Тенях" помните Марын утес?

Так вот, снимали совсем какой-то безымянный утес, это в фильме его так называли. Теперь туда водят экскурсии, называя его именем Марыным, туристы там фотографируются.

— Помимо сериалов "Тени исчезают в полдень" и "Вечный зов", у вас есть не менее легендарный фильм "Командир счастливой "Щуки"?

— После этой картины моряки относятся ко мне как к своему. Когда была премьера фильма, подводники не столько смотрели на экран, сколько ходили вокруг меня. Я счастлив, что мне удалось прикоснуться к тому, что хотелось сделать многие годы. И как результат фильм идет по ТВ в течение 30 лет по несколько раз в год.

— Вам ваша известность в жизни помогала?

— Бывали случаи. К примеру, в Тольятти артистам Театра Современник, в котором я тогда работал, нужно было улететь в Москву, а билетов нет. Гаяль Волчек и говорит мне: "Пойди к кассе, похлопочи немножко лицом". Я старался изо всех сил: девушкам в кассах аэропорта улыбался все шире и шире. И вот одна из них, наконец, среагировала и кричит другой: "Маша, смотри, кто к нам пришел!" Та подбежала и с радостью произнесла: "Виху — Рыбников".

— Петр Сергеевич, расскажите, как случилось, что вас арестовали и отправили в лагерь.

— Шел 1943 год, мне было 16 лет. Обыкновенный мальчишка советской страны. Ни о каких антисовет-

ских организациях я, конечно, и не помышлял. Как-то с мамой и сестрой пошли в кинотеатр "Ударник" на фильм "Леди Гамильтон". На обратном пути сестра сказала, что за нами следят — какие-то люди ехали с нами в трамвае туда и обратно. Мне это стало очень интересно — напоминало игру в казаки-разбойники. Я стал обращать внимание на то, кто за мной следит. И даже уходить от них, прятаться, совершенно не ожидая, что меня могут арестовать...

Однако это случилось на Манежной площади. Меня привезли на Лубянку. Там раздели, острили. Потом был первый допрос. Следовательно кричал на меня и даже ударил. Со мной в жизни никто так не обращался. Затем меня повели в бокс, там дали рюкзак с домашними вещами. Только тогда я понял, что случилось страшное, что меня уже отсюда не выпустят, и заплакал. На первом допросе мне сказали, что я из молодых да ранних, потому что стал говорить о презумпции невиновности.

Но я счастливый человек, потому что ситуация не сломила меня, а ведь многие люди были сломлены. Даже среди обслуги лагерей встречались глубоко порядочные люди. До 50-х годов в лагерях не было разделения на уголовников, дезертиров и политических. Всякое бывало, вплоть до убийств. Но так получилось, что рядом всегда оказывался человек, который меня спасал. Когда я оказался на Урале на строительстве гидролизного завода в бригаде малолеток-угольников, я уже окончательно обесилел — весил 47 килограммов, у меня развилась дистрофия. Вот тогда меня поместили в лазарет, где его начальница обратила на меня внимание. Она была тоже москвичкой, и, как оказалось, ее дочь училась со мной в одной школе. Благодаря ей тогда я выжил.

— У большинства ваших героев несчастная судьба. А вам везло в личной жизни?

— У меня все было хорошо. Я исключение из правила. Не знаю, правда, что вы имеете в виду.

— А что вы имеете в виду?

— Что такого дурака еще поискать. (Тут они вместе с Таней заливаются хохотом.)

— В чем же это качество проявилось по жизни?

— Да во всем.

— Петр Сергеевич, расскажите, как вы с Таней познакомились?

— В поезде Ленинград — Москва. Это было 20 лет назад. Потом 6 лет я за ней ухаживал.

— А поклонницы вас ведь наверняка одолевали?

— Мои поклонницы всегда немного отличались от тех, что ходят следом за своими кумирами и забрасывают их любовными письмами. В какой-то степени мои роли действовали на них. Разные случаи были. Присылали фотографии даже из Болгарии и Германии, они не предлагали себя, но, скажем так, не возражали.

— Вы им отвечали?

— Я им отвечал взаимностью.

— В какой форме?

— Знаете, когда я одну поклонницу попытался приобнять, она отстранилась: "Петр Вельяминов, уберите руки. Я к вам за автографом, а вы что позволяете себе".

— Петр Сергеевич, говорят, что вы сейчас увлечены строительством приюта для бездомных животных?

— Строительством занимаюсь не совсем я, а одна удивительная женщина, которая взвалила на себя весь этот груз. Мы строим настоящий приют по специально созданному проекту. Там уже возведены дома, идут внутренние работы. Туда можно будет привозить бездомных животных. Начинать мы все это с благотворительности, открыли счет, и даже из-за границы нам присылали деньги. Брижит Бардо в этом поучаствовала, и еще какие-то организации. Я — один из попечителей этого приюта. Приходилось ходить по банкам, завязывать знакомства с людьми, которые могут оказать материальную помощь. Я глубоко уверен, что, если животное называют домашним, человек несет ответственность за него. Сколько себя помню, и кошки, и собаки были в нашем доме всегда.

— А кого вы любите больше — кошек или собак?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что не знаю.

В доме известного артиста Петра ВЕЛЬЯМИНОВА вас в первую очередь встречают... кошки. Две красавицы неожиданно откуда-то выскакивают и, распушив хвосты, тут же удирают. Это Мерседес (в миру Муся) и маленькая Лиза. Но остаются другие — пиньяные, фарфоровые, живописные — кругом кошки, кошки — целое царство этих пушистых и ласковых существ. Спрашиваю хозяев — Петра Сергеевича и его жену Таню: "У вас что — культ кошек?" Они искренне изумляются, ведь сами давно уже не замечают, что в доме собралась потрясающая коллекция изображений любимых животных. В сопровождении откуда-то вновь возникших лохматых любимцев дома идем рассматривать фотографии. На стенах висят портреты деда, прадеда, родителей Петра Сергеевича и герб фамилии Вельяминовых.

— Наш род очень древний. Вельяминовы — московские бояре. Наше поместье находилось в Рязанской губернии, а в Москве — это Марьяна Роша, Вельяминовская улица — бывшие родовые владения, есть и деревня Вельяминовка под Москвой.

— Что вы ощущаете, когда появляетесь в тех местах, где ваши корни?

— Ничего особенного, просто связи какие-то за спиной стоят. Еще встретиться с моими предками придется. Я не сомневаюсь в этой встрече.

— Прошлым летом вы были награждены Орденом "За заслуги перед Отечеством" IV степени. Судьба не очень баловала вас — арест в 16 лет, лагеря, вся ваша семья пострадала от Советской власти. Как вы смогли совместить боль за себя и семью и в то же время создание образа коммуниста и гражданина?

— Среди коммунистов я по жизни встречал разных людей — одни были подлецами, другие — высокоморальными людьми. Поэтому мне хотелось создать то, во что я верил...

— А вы действительно верили?

— Конечно, а иначе как? И мысли не было, что идем неверным путем. Однако я никогда не вступал в партию. Не хотел, но меня бы и не приняли... А партийная принадлежность моего Кружилина из "Вечного зова" меня не волновала. Я воспринимал его как просто порядочного человека, действующего по своему убежде-

нию и верящего, что делает он все во имя народа. И его отношение к людям было гуманным и моральным. А главное — он сам себя никогда не унижал. Чувство собственного достоинства Кружилина, его порядочность давали мне право играть этого человека.

— Вы не пытались понять, почему вам, беспартийному, давали роли партийных руководителей?

— Партийные руководители хорошо относились ко мне. Когда мы были с премьерой "Вечного зова" в Томске, Черненко сказал, что всем нужно брать пример с Петра Вельяминова.

— Известность к вам пришла после другого сериала — "Тени исчезают в полдень".

— Это был мой первый опыт рабо-

ты в кино. Популярность тогда обрушилась необыкновенная: мужики лезли целоваться ко мне прямо на улице, и это, признаюсь, было очень противно. А женщины все больше вздыхали: "Почему у вас такая несчастная судьба?" После третьей серии я уже не мог появляться в магазинах и на улице — меня все узнавали, и я не знал, куда деваться. Если бы был моложе, это наверняка бы вскружило голову. Как себя вести, когда говорят восторженные слова? Я до сих пор не научился выслушивать комплименты. Поэтому стараюсь слушать так: в одно ухо влетает, в другое вылетает.

— Как вы попали на эту роль?

— В то время я работал в Свердловске, играл в спектакле "Кандидат